Пиратство у побережья Флориды и в других местах

Сэмюэл А. Грин

The Project Gutenberg eBook of Piracy off the Florida Coast and Elsewhere.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Пиратство у побережья Флориды и в других местах

Автор: Сэмюэл А. Грин

Дата выхода: 21 сентября 2008 [eBook #26684]
Последнее обновление: 4 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Марком К. Ортоном, Стивеном Бланделлом и командой Online Distributed Proofreading Team на https://www.pgdp.net (Этот файл подготовлен на основе изображений, щедро предоставленных
файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных
The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ПИРАТСТВО У ФЛОРИДСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ И В ДРУГИХ МЕСТАХ ***

ПИРАТСТВО У ПОБЕРЕЖЬЯ ФЛОРИДЫ И В ДРУГИХ МЕСТАХ

СЭМЮЭЛ А. ГРИН

CAMBRIDGE
ДЖОН УИЛСОН И СЫН
Университетская пресса
1911

Из "Трудов Массачусетского исторического общества" за февраль 1911 года.

ПИРАТСТВО У ПОБЕРЕЖЬЯ ФЛОРИДЫ И В ДРУГИХ МЕСТАХ

На очередном заседании Массачусетского исторического общества, состоявшемся в Бостоне в четверг, 9 февраля 1911 года, доктор Сэмюэл А. Грин представил следующий доклад: "Пиратство у побережья Флориды и в других местах...

Мало кто в наши дни знает, насколько широко было распространено пиратство два века назад. Не было ни одной части открытого моря, которая бы не подвергалась нападению бродячих разбойников. Иногда они угрожали городам на побережье, а иногда нападали на корабли посреди океана; и, похоже, они следовали своим беззаконным целям по своему усмотрению. Когда их ловили, не было никаких задержек с привлечением к суду и вынесением обвинительного приговора, а пустяковые формальности не играли никакой роли в достижении результатов. Временами их казнили по нескольку раз, и в обществе не было болезненной сентиментальности по отношению к несчастным. Не меньшей пыткой для них было сидеть в доме собраний в воскресенье перед казнью и слушать собственные похоронные проповеди, когда священник рассказывал им, что их может ожидать на том свете, если они получат свою справедливую плату. 30 июня 1704 года шесть несчастных жертв были повешены на бостонском берегу реки Чарльз за пиратство и убийство; на трагедию собралась огромная толпа. Среди зрителей по этому случаю был главный судья Сьюолл, один из судей Адмиралтейского суда, осудившего пиратов, который не счел ниже своего достоинства присутствовать при этом. В то время считалось общественным долгом придать месту казни как можно больше благоговения, и было решено, что официальное присутствие подчеркнет это чувство.

Следующая выдержка из "The Boston News-Letter" от 21 августа 1721 года показывает, как в ранние времена пиратские суда, хорошо укомплектованные и оснащенные множеством пушек, бороздили открытое море , преследуя свое незаконное призвание. Судно было захвачено где-то в Саргассовом море, у берегов Африки.

Настоящим удостоверяем всех заинтересованных лиц, что 7 мая прошлого года Уильям Рассел, капитан корабля "Мэри из Чарльзтауна", совершавшего плавание из Мадеры в Сурранам в широте 22 и 27 градусов северной широты и долготе 25 и 27 градусов западной долготы из Лондона, был задержан. 25 и 27 з.д. от Лондона, был захвачен пиратским кораблем с 50 пушками под командованием капитана Робертса, около 300 человек, которые лишили его части груза и заставили уйти двух его людей, против его и их собственного согласия, а именно: Томаса Рассела, родившегося в Лексинтауне близ Чарльстауна, и Томаса Винчола, родившегося в Портсмуте, Нью-Гэмпшир в Новой Англии.

Сделать эти вступительные замечания меня побудила рукопись, недавно переданная в библиотеку миссис Уильям Б. Роджерс, старшей дочерью и единственным оставшимся в живых ребенком мистера Джеймса Сэвиджа, который более шестидесяти лет был членом этого Общества и четырнадцать лет его президентом. Она состоит из выдержки из письма, написанного ее дядей Уильямом Сэвиджем ее отцу, датированного Гаваной 31 декабря 1818 года и содержащего рассказ о захвате пиратами корабля *"Эмма София"* у берегов Флориды, на котором он был суперкарго. После получения газеты от миссис Роджерс я нашел в "Boston Daily Advertiser" от 3 февраля 1819 года более полную версию письма; по этой причине я следую копии, приведенной в газете. Все, что связано с мистером Сэвиджем или его семьей, всегда

будет в порядке вещей на этих встречах. На открытии его бюста в этом зале 12 апреля 1906 года мистер Адамс, президент, сказал, что "за единственным исключением мистера Уинтропа ни один член Общества с момента его основания не оставил на него столь глубокого и индивидуального впечатления", как мистер Сэвидж.

На второй странице "Рекламодателя", под заголовком "Морской журнал", опубликован следующий рассказ: "Меморандум.

МЕМОРАНДА.

Судно, упомянутое во вчерашней газете как разграбленное у берегов Флориды, - это гамбургский корабль *"Эмма София"*, капитан Фрам, суперкарго - мистер Уильям Сэвидж из этого города. В чарльстонских газетах говорится, что оно застраховано у Ллойда.

Мы получили следующую выдержку, содержащую дополнительные сведения:

Выдержка из письма джентльмена из этого города, суперкарго корабля "Эмма София", от Гаваны, 31 декабря 1818 года.

В субботу, 19-го числа, между Багамской и Ки-Сальской банками нас взяла на абордаж и захватила небольшая шхуна весом около 30 тонн, с одной пушкой, установленной на шарнире, и 30 людьми. Она укомплектовала нас двенадцатью людьми, испанцами, французами, немцами и американцами, и повела нас к побережью Флориды. Прибыв на побережье почти напротив Гаваны, капер сошел на берег для разведки, а наш корабль лег на дно. На следующее утро она вернулась с двумя небольшими судами, шхуной и шлюпом. Затем мы все четверо направились через риф к маленьким островам, а во вторник днем бросили якорь в маленькой гавани, образованной островами Флорида и рифом Мученика, - такой уютной, какой только могли пожелать буканьеры. Они не видели никаких документов, кроме документов корабля и манифеста, но последнего было достаточно, и они не спрашивали ни счетов, ни коносаментов. Как только мы встали на якорь, они сбросили наши шлюпки, задраили люки и принялись грабить груз. Они загрузили два своих небольших судна и еще одно, пришедшее следующим утром, кроме того, забрали наши ценности на борт капера. Наполнив их суда бельем и нанкинами, мы оставили еще много, ведь наш корабль был полон, когда мы отплывали из Гамбурга. До полудня среды наша каюта была в почете, но потом они спустились вниз и забрали свертки с кружевами, золотые часы из сундуков и другие ценные вещи. У каждого был нож длиной около фута, которым они размахивали, клянясь, что если у них будут деньги или что-то более ценное, что было спрятано, то они убьют каждого из нас, и особенно они угрожали мне. Я обратился к их капитану, сказал ему, что опасаюсь за свою жизнь, и отправился с ним на борт его капера. Он сказал, что у него нет команды, что экипаж делает все, что хочет, что я не должен опасаться за свою жизнь, но лучше сразу сказать, не спрятано ли чего-нибудь. Я сказал ему, что нет. После моего возвращения на корабль ночью пираты впервые покинули нас, и мы надеялись, что они с нами покончили. Но на следующее утро вдали показался еще один шлюп, и капер с одним из груженых шлюпов вышел им навстречу. Они вернулись все вместе, капер встал на якорь, и к нам подошла команда шлюпа. Я попытался подняться на борт капера, чтобы увидеть его капитана, но мне приказали вернуться. Когда они поднялись на борт, то сказали, что пришли узнать, где находится золото и т. д., и что если мы не скажем, то они повесят всех нас и сожгут корабль. Представитель Дэвис выхватил нож и поклялся, что каждый человек должен умереть, если не найдет деньги, а сначала он повесит суперкарго. Он призвал принесенный с

собой на борт канат, оснащенный петлей палача, послал человека на мизен-бард, продел его и спустил петлю вниз, один человек держал ее, а другой стоял наготове, чтобы поднять. Теперь, сказал Дэвис, скажи мне, где деньги, где твои бриллианты, или я повешу тебя сию минуту. Напрасно я повторял, что у меня нет ничего, кроме часов, которые я предлагал, но он отказался... Еще раз, сказал он, вы скажете? Мне нечего рассказывать, сказал я. Давай веревку, сказал злодей, и поднимай. Парень с петлей подошел ко мне, и я прыгнул за борт. Через некоторое время меня подняли, видимо, в бесчувственном состоянии. Они сняли с меня все одежды и уложили на спину на палубе, голого, как я родился, только одеяло накинули на меня. Здесь я пролежал пять часов, не шевеля ни рукой, ни ногой. Тем временем они лишили нас всего, что имело хоть какую-то ценность. Против меня они, похоже, питали особую злобу, украв даже кольцо с моего пальца и все мои плащи из сундуков, которые они отправили на борт капера.

Ночью они покинули нас, но один или два раза возвращались на несколько минут, чтобы узнать, как я себя чувствую. В ту же ночь капер с двумя или тремя кораблями своего конвоя вышел в море, и на следующее утро, в день Рождества, мы пустились в путь. Хорошо следя за курсом, которым шли, и постоянно держась впереди, мы без особого труда вышли на *голубую воду* и на следующее утро, 26-го, без дальнейших происшествий прибыли в Гавану.

Капер, как мне кажется, был построен на этом острове. Капитан - испанец, невысокий человек с удивительно добрым лицом, которого никто не заподозрит в принадлежности к такой шайке. Лейтенант - француз, креол из Сен-Доминго, но называет себя итальянцем. Человек, которого они назвали Дэвисом и который приказал меня повесить, - это лоцман или парусник, а также их абордажный офицер. Он американец, родом из Нью-Йорка, и был самым плохим человеком на борту. Он симпатичный парень, пожалуй, выше среднего роста, но самый жестокий негодяй, которого я когда-либо встречал. На борту был еще один американец, всего лишь обыкновенная рука, пьяница. Два негра - вот и все, что осталось от джентльменов, с которыми я был близко знаком.

Захваченные у нас товары стоили более пятидесяти тысяч долларов, и я не сомневаюсь, что они выгружены на побережье этого острова. В окрестностях Кубы будет неспокойно до тех пор, пока наше правительство всерьез не решит покончить с этой системой пиратства".

В связи с этой темой будет уместно рассказать об инциденте, который много лет назад произошел со мной и мог бы стать трагическим по своему исходу. В феврале 1854 года мне выпал жребий отплыть из бостонской гавани на Мальту на борту барка *"Сильф"* из Ливерпуля, Новая Шотландия. В тот период суда, ходившие под английским флагом, были известны в этой стране как *лайм-джойсеры*, названные так потому, что в британском флоте употребление лайма или лимонного сока было обязательным средством против скорбута. Единственным пассажиром, кроме меня, был генерал Уильям А. Эйкен, ныне житель Норвича, штат Коннектикут. Командовал судном капитан Робертс из Ливерпуля, первым офицером был мистер Хикс, а вторым - мистер Уортон. По моим воспоминаниям, в рубке было восемь человек, и вместе с поваром и стюардом на борту судна находилось четырнадцать человек. Повар и стюард были представлены одним человеком африканского происхождения, который гордился как своей прической и готовкой, так и братским родством с самозваной соперницей Дженни Линд, которую тогда называли "Черным лебедем" (Элизабет Тейлор Гринфилд), певицей, хорошо известной в свое время. Его волосы заслуживают отдельного упоминания, поскольку

иногда они были тесно связаны с его кулинарией, так как их тщательно укладывали перед стаканом, висевшим рядом с плитой на камбузе повара. Свою длинную шерсть он обычно держал туго закрученной в многочисленные локоны, которые торчали из его головы, как колосья. По большим праздникам, таким как воскресенья и чудесные избавления от бурь, он распускал свои кудрявые локоны, которых тогда, казалось, хватало на корзину бушелей.

После недельной или десятидневной задержки в гавани из-за встречного ветра или непогоды мы отчалили; и я хорошо помню, как лоцман, по имени Фаулер, собираясь покинуть судно, перекинув ногу через фальшборт, сказал своим хриплым голосом нашему шкиперу: "Я дам вам двадцать восемь дней до проливов".

О путешествии по Атлантическому океану почти нечего писать, кроме того, что оно было очень однообразным, настолько, что и я, и Эйкен для некоторого облегчения использовали , чтобы иногда помогать капитану "брать солнце" в полдень, и таким образом мы оба стали более или менее экспертами в навигации. Было также интересно наблюдать за матросами в их различных обязанностях и удовольствиях; у них мы научились сращивать канаты и завязывать причудливые узлы. Мы также выучили командные слова в правильной последовательности, как их произносил капитан, когда приказывал людям идти на галс или на корабль, и все это представляло для нас большой интерес. Иногда в хорошую погоду мы брались за штурвал, чтобы разбавить монотонность плавания. Иногда мы ловили морскую свинью, печень которой давала нам вкус свежего мяса и напоминала о доме. У мыса Трафальгар мы проплыли над водами, в которых плавал английский флот, когда Нельсон вел свою знаменитую битву. Я помню, как мы впервые увидели мыс Спартель, точку суши в северо-западном углу африканского континента, с которой открывается вид на проливы, и сделали это рано утром 16 марта, в день моего рождения. При встречном ветре нам потребовалось два дня, чтобы войти в Средиземное море, где мы пережили множество штилей и непогоду. Однажды мы едва не потерпели крушение во время шторма у мыса де Гато на южном побережье Испании, но в целом мы шли вдоль северного побережья Африки, в нескольких лигах от суши, поскольку курс нашего судна зависел от ветра. Временами мы видели на берегу здания и деревни, а затем, отплыв, скрывались за ними.

Случай, о котором я уже упоминал, произошел во второй половине марта у мыса Трес-Форкас на Барбарийском побережье. Однажды днем, когда мы шли на малой скорости при слабом ветре в двух-трех лигах от суши, мы заметили две фелуки с латинской обшивкой, которые, по-видимому, следовали за нами, но на первый взгляд не привлекли особого внимания. Капитан Робертс вскоре заподозрил их движение и стал внимательно следить за ними, так как они настигали нас. Мы шли едва ли больше двух-трех узлов в час, не имея практически ничего, кроме руля, но они, распустив паруса, были быстрее. Капитан вскоре отдал приказ провести инвентаризацию имеющегося на борту огнестрельного оружия, которое можно было использовать в случае необходимости, но оказалось, что его мало и оно находится в плохом состоянии. Повару было приказано нагреть столько кипятка, сколько позволит его небольшой камбуз, чтобы быть готовым отразить любую попытку взять судно на абордаж. На корабле царило большое волнение, и мы вполне ожидали, что на нас нападут, но, к счастью для нас, ночь быстро наступала.

Тени ночи быстро опускались,

и вскоре солнце зашло. Тогда мы изменили курс на пару пунктов и набросили парус на бинакль, чтобы подозреваемые пираты не могли нас преследовать; таким образом мы избежали того, что могло бы стать трагедией.

После прибытия на Мальту мы узнали, что три судна были захвачены пиратами Риффа, как их называли, недалеко от того времени, когда нам угрожала опасность, и вблизи той же самой точки суши. Без сомнения, похитители принадлежали к той же команде, что и те, что преследовали нас. Мы находились на Средиземном море в то время, когда началась Крымская война, объявленная Англией 28 марта. Это новое состояние государственных дел вызвало большую путаницу в движении пароходов и вообще в перевозках, так как пароходы были очень нужны для военных целей; по этой причине мое пребывание на Мальте несколько затянулось. За это время я много виделся с американским консулом, мистером Уильямом Уинтропом, который был родственником нашего бывшего президента, мистера Уинтропа, а в более поздний период - членом-корреспондентом этого Общества. На очередном ежемесячном собрании, состоявшемся 8 ноября 1882 года, мистер Роберт К. Уинтроп-младший воздал должное консулу по случаю получения Обществом от него щедрого завещания. В конце своего выступления он сказал: "Однако он гордился тем, что был членом-корреспондентом - единственным за почти столетие, кто, насколько мне известно, оставил Обществу хоть один доллар, и я очень боюсь, что в этом отношении он, скорее всего, надолго останется уникальным".

Примечание переводчика: Незначительные опечатки исправлены без примечаний. Сохранены варианты написания, а также орфографические ошибки в цитируемом тексте.